

— Цзимо! Цзимо! — словно сквозь туман донесся до меня чей-то голос. Я не желала слушать и лишь бежала вперед, не разбирая дороги.

Грохот быстрых шагов настиг меня, чьи-то руки грубо развернули меня к себе, и внезапно передо мной будто расступилось небо.

— Это адвокат Ло тебя обидел? Ну же, отвечай!

Нин Чжиюань, с лица которого стекала дождевая вода, изо всех сил потянул меня к обочине.

— Я же говорил тебе держаться от него подальше! Он просто негодяй, а ты ни в какую не хотела слушать!

— Да, я сама виновата, так что оставь меня в покое, — я вырвалась, поймала такси и уехала.

Нин Чжиюань бросился следом:

— Я провожу тебя до дома!

Я заблокировала дверь машины.

— Спасибо, не нужно.

— Цзимо, не отталкивай людей так отчаянно! — кричал он, насквозь промокший под ливнем. — Я просто хочу позаботиться о тебе!

Крупные слезы хлынули из глаз. В глазах потемнело, сердце пронзила острая боль, дышать стало почти невозможно. Забота... снова забота! Почему тот, чьей заботы я жаждала больше всего, больше не дает мне её? Какими бы ни были обиды, стоило лишь тому человеку коснуться меня, взглянуть с нежностью, как во мне просыпались силы, я была готова возродиться из пепла. Но теперь она обнимает другого, оставляя меня захлебываться в собственных слезах!

Назвав адрес, я откинулась на сиденье. Машина тронулась. Я безвольно прислонилась к стеклу, позволяя телефону звонить раз за разом, пока в конце концов просто не выключила его.

Не знаю, сколько времени прошло в этом полузабытом состоянии, но машина остановилась. Водитель что-то гудел, как назойливая муха. Я выудила из сумки кошелек, не разбирая купюр, сунула ему в руку первую попавшуюся пачку и вышла.

— Девушка, с вами всё в порядке? Может, всё-таки отвезти вас в больницу?

Водитель говорил это из добрых побуждений, но я лишь отмахнулась. Мое отчаяние и ненависть к себе достигли предела — даже если бы я умирала на краю дороги, я не приняла бы ничьей помощи. Если я не могу получить того, чего хочу больше всего на свете, то зачем мне всё остальное?

Под дождем я медленно доплелась до дома, поднялась в квартиру. Не обращая внимания на радостно прыгающую навстречу Манман, я пробралась в спальню, рухнула на кровать и с головой укрылась одеялом.

Сколько я пробыла в беспамятстве — неизвестно. Сквозь туман я вдруг услышала тихий голос:

— Цзимо Сыгуй, ты в порядке?

Наверное, у меня жар, раз начались галлюцинации. Здесь никто не знает, кто я, откуда кому-то знать мое имя? От нехватки влаги губы потрескались, стоило открыть рот, как я почувствовала острую боль и знакомый солоноватый привкус крови.

— Ответь мне. Тебе лучше?

Это... та самая девушка? Перед глазами возникло её сияющее лицо: белоснежная кожа и глаза, черные, как бездна. Точь-в-точь спелый виноград в хрустальном бокале.

Я с трудом разомкнула губы, издав нечленораздельный звук:

— М-м...

— Это я, Муса. Не бойся. Кажется, у тебя жар. В доме есть жаропонижающее?

Я смутно расслышала её мягкий вопрос и, кажется, ответила, что есть. Послышалась возня, и вскоре мне в рот сунули что-то вроде таблетки и влили немного теплой воды.

— Проглотила?

Кашель! Таблетка не прошла, зато вода выплеснулась обратно. Я начала сопротивляться, стиснув зубы.

Она зажала мне нос, и следом за этим мои сжатые челюсти были принудительно раздвинуты. Край стакана проскользнул внутрь, и теплая вода потекла в горло.

Глоток. Наконец-то проглотила.

— Ну и сложная же ты.

Я с трудом приоткрыла глаза. Тонкий силуэт перед лицом покачивался, пока наконец не сфокусировался: та самая одежда цвета снега и дымчато-зеленая юбка. Пара изящных белых ног с безупречными линиями.

— Су Мань... Су Мань...

Я ухватилась за край её одежды, она подалась вперед, и мягкая постель прогнулась под её весом.

— Эй...

Лицо Су Мань было прямо передо мной. Слезы, запоздавшие, но оттого еще более горькие, хлынули из глаз. Я видела в её взгляде густую, обжигающую нежность.

Я собрала последние силы, чтобы обнять её, и, охваченная лихорадочным жаром, прижала к себе, словно раскаленным железом.

Су Мань, оказавшись в моих объятиях, смотрела с бесконечной мягкостью.

— Я так скучала, так скучала... — на её белоснежной шее едва заметно пульсировала жилка. У меня затуманился взор, и я припала к ней губами. Слезы хлынули потоком: — Почему ты ушла от меня?

Она тихо вскрикнула от боли и внезапно прижала меня к постели. В то же мгновение ледяной пакет лег мне на лоб, мгновенно сбивая жар.

— Ты бредишь, — её голос прозвучал прохладно, совсем не так, как тот хриплый шепот, к которому я привыкла. — Я не какая-то там Су... Су, как её там.

— Не плачь. Спи, проснешься — и все пройдет...

Снотворное в лекарстве подействовало, а лед на лбу принес долгожданное облегчение. Когда я снова открыла глаза, за окном уже горели огни.

Голова тяжелая... Я шатаюсь села, потянулась к ночнику. Щелчок — и комната наполнилась ярким светом.

— Очнулась?

Глаза не сразу привыкли к яркости. Я прикрыла лицо рукой, и лишь спустя время смогла разглядеть её: волосы до плеч, белоснежная кожа, черные, как полночь, глаза, слегка поджатые тонкие губы, в которых читалось невероятное упрямство.

Я наконец осознала:

— Это ты?

Она слегка улыбнулась:

— Это я.

Диалог — точь-в-точь как в тот вечер, но теперь в нем сквозила неловкость и напряжение.

— Ты... как ты оказалась у меня дома?

Она подошла ближе:

— Вид у тебя уже гораздо лучше. С чего это ты вдруг так сильно разболелась?

— Не уходи от ответа! Я спрашиваю, как ты попала в мою квартиру? Как ты вошла? — по мере того как она приближалась, я начинала паниковать, не зная, куда деть руки.

— Твоя дверь была распахнута, я вошла, разве ты не помнишь?

— Это невозможно. Мой дом — это моя крепость, мы с тобой едва знакомы, как я могла пригласить тебя?

— Честное слово, дверь была открыта. Я спросила, можно ли войти, и ты не сказала нет.

— Хватит шутить, ладно? — у меня раскалывалась голова. Я подняла взгляд и увидела на её белоснежной шее темно-красный след.

Я замерла. В памяти что-то всплыло...

— Ха, — она с насмешкой посмотрела на меня. — Цзимо Сыгуй, вспомнила?

— Нет, — я яростно замотала головой. — Тебе пора идти.

— Какая неблагодарность. Если бы я не увидела тебя на улице в таком невменяемом состоянии и не проследила за тобой из жалости, тебя бы, наверное, уже обокрали.

Её надутый вид вызвал во мне укол совести. Когда она развернулась и направилась к выходу, я машинально пошла следом.

— Что такое? Думаешь, если проводишь меня, я перестану злиться? — она взялась за дверную ручку и обернулась.

Я растерялась:

— Прости, я... я не то имела в виду.

Дождь за окном продолжал барабанить по стеклу, не собираясь стихать.

Она посмотрела на меня:

— Ты ушибла ногу, я осмотрела — ничего серьезного, помажешь мазью, и пройдет. Иди отдохни, не ходи лишний раз.

Слова звучали заботливо, но лицо её оставалось почти холодным. Я смотрела на неё, завороченная, и вдруг подумала, что ей, возможно, неудобно сейчас возвращаться домой.

— Дождь такой сильный, можешь остаться здесь. В гостевой комнате иногда останавливается Чжунся, там всегда чисто.

Она помолчала, глядя на меня.

— Нет, спасибо, — она слегка улыбнулась и открыла дверь. — Мне нужно побыть одной. Подумать обо всем!

Побыть одной? Подумать? Свет в прихожей был мертвенно-бледным, и я снова заметила тот темно-красный след у неё на шее. Мой мозг будто взорвался — я отчетливо вспомнила всё, что произошло в бреду.

Я ведь... я ведь приняла её за Су Мань?!

<http://bllate.org/book/20770/2084024>